

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-136-159

УДК 316.34 + 316.4 + 353

ТЕРРИТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ¹

Плюснин Юрий Михайлович,

*доктор философских наук, доктор биологических наук, профессор,
заместитель заведующего лабораторией муниципального управления,
факультет социальных наук*

*Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20*

ORCID: 0000-0002-9576-4921

juri.plusnin@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены особенности заселения и освоения территории нынешней Еврейской автономной области разными этносоциальными группами; обсуждаются условия и факторы, определяющие отношения между группами. Выявлены и описаны контрастные типы отношений (противоречия) между этносоциальными группами, что определило их современную роль и значение в регионе.

Зафиксированы шесть последовательных этапов заселения территории, которое осуществлялось значительными по численности группами переселенцев, не пересекавшихся по времени вселения: казаки и староверы, строители Транссиба и работники, привлекаемые при индустриальном освоении региона, евреи и таджики, представители кавказских народов. Все группы различались по нескольким важным признакам: происхождению и предшествующей этнической истории, культурным стереотипам и хозяйственным практикам, были различны конфессионально и популяционно-демографически. Основные отношения складываются между этно-социальными группами, специализирующимися в разных хозяйственно-экономических сферах, осваивающих преимущественно разные ресурсы: коммерция, предпринимательство и промыслы (диаспоры таджиков, армян, чеченцев, дагестанцев, азербайджанцев, староверы), бюджет и административный ресурс (русские и евреи, армяне). Всё вместе обусловило особый характер отношений этносоциальных групп населения на территории области. Отношения контрастны и имеют характер противоречий. Они определяют уникальный социально-демографический статус обла-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке фонда «Хамовники» (проект № 2016-001).

сти и позволяют оценить этносоциальный потенциал территории. Разнообразие и контраст обеспечивают общий высокий социальный потенциал местного общества, на фоне которого выделяется еврейский этнос.

Современная территория области в результате одновременных вселений столь разных народов разделена на несколько «зон влияния» этносоциальных групп и представляется «лоскутной». Область, как административное образование, по хозяйственно-экономическим практикам и относительному влиянию этносоциальных групп разделена на три части, непрочно связанные между собой. Северо-восточная часть области, Среднеамурская низменность, заселенная русскими и евреями, в наше время интенсивно осваивается также таджиками и народами других постсоветских республик. Северо-запад области, горно-таежная территория Малого Хингана, контролируется преимущественно представителями советского периода освоения и немногочисленной русской старообрядческой общиной. Юг области, территория, примыкающая к Амуру, – зона влияния пограничников, потомков казаков-первопоселенцев и нынешних военных. Здесь же велико участие азербайджанцев и китайцев. Территориальная «лоскутность» создает несколько сфер влияния разных этносоциальных групп. Предполагается конкуренция между группами, контролирующими эти части территории, за административный ресурс. Ключевые позиции здесь имеют представители еврейской группы, по разным причинам занимающие центральное место в сложившейся системе хозяйственно-экономических связей и политико-административных отношений.

Имеет место несоответствие внешних представлений о политическом, социальном и демографическом статусе и этническом потенциале области с реальной ситуацией. Влияние еврейского этнического фактора оказалось существенно большим, чем это представляется извне, исходя из оценок статистических данных о численности еврейского населения области. Влияние китайского фактора, напротив, оказалось существенно менее важным не только в социально-политическом, но и в хозяйственно-экономическом отношении. Фактор межэтнических отношений оказался весьма существенным. Не менее значим и фактор конфессиональных различий между ключевыми этносоциальными группами – несколькими русскими группами, евреями, таджиками и китайцами.

Ключевые слова: евреи, русские, казаки, таджики, «кавказцы», китайцы, Еврейская автономная область, внутренняя миграция, трансграничная миграция, хозяйственно-экономические практики, промыслы населения, межконфессиональное взаимодействие, межэтническое взаимодействие, этносоциальный потенциал.

Библиографическое описание для цитирования:

Плюснин Ю.М. Территория общественного благополучия. Взаимодействие этносоциальных групп в Еврейской автономной области // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 1. – С. 136–159. – doi: . 10.17212/2075-0862-2018-4.1-136-159

В этой статье мы рассматриваем конкретные условия и факторы, определяющие этносоциальный потенциал населения Еврейской автономной области (ЕАО). Исследования основаны на методологии качественного

социологического анализа, используемого в эмпирическом (полевом) исследовании. Результаты получены в двух полевых социологических исследованиях региона, в которых основными использованными методами являлись непосредственное наблюдение и экспертные, а также глубинные интервью, анализ релевантных материалов местных средств массовой информации и данных муниципальной отчетности². Выдержки из интервью выделены в тексте статьи курсивом и взяты в круглые скобки.

Прежде всего необходимо зафиксировать особенности заселения и освоения территории нынешней ЕАО разными этносоциальными группами в течение последних 200 лет. Основными группами, по нашему мнению, являются первопоселенцы – забайкальские казаки, переведенные на Амур после заключенных Айгунского и Пекинского договоров: «раскольники»-староверы, бежавшие из Центральной России и Сибири от репрессий государства; «вербованные» строители Транссиба; евреи, прибывшие для создания нового национально-государственного образования; разнородные группы русского, украинского, белорусского и еврейского населения послевоенного набора на дальневосточные «стройки века»; мигранты постсоветского периода – азербайджанцы, армяне, дагестанцы и прежде всего таджики. Кроме этих основных этносоциальных групп, имеют значение китайские мигранты – трудовые мигранты-отходники и сельскохозяйственные сезонники.

Демографические, религиозно-культурные, социально-политические и хозяйственно-экономические особенности этносоциальных групп и разновременность заселения и освоения ими отдельных территорий региона определили уникальный характер отношений между ними, которые во многом носят контрастный и противоречивый характер. Эти два аспекта этносоциальных отношений в регионе и рассматриваются далее.

Этносоциальные особенности заселения территории ЕАО

ЕАО как административный регион сформирована на территории, продолжительное время пустовавшей. Это стало важнейшим пусковым фактором, определившим нынешнее разнообразие, пестроту и гармоничность отношений между этническими и социальными группами в регионе. (Впрочем, и на китайской стороне Амура территория была не заселена. Как отмечал П.А. Кропоткин, который в составе одного из первых казачьих караванов пересек Маньчжурию от Иркутска до Благовещенска, на всём двухмесячном пути по китайской территории правобережья Амура им почти не встречались поселения [11, с. 585–681]). Китайскими властями

² Более подробное изложение методологии представлено в статье: Кордонский С.Г., Чернов М.И., Моляренко О.А., Плюснин Ю.М. Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области (опубликована в этом же номере журнала «Идеи и Идеалы»).

ми после подписания Тяньцзиньского трактата [23] всё немногочисленное местное тунгусское население было выведено с левого берега Амура в Китай. Хотя появление русских служивых людей в этих краях зафиксировано ещё в XVII веке [30, с. 748–751, 778; 32], территория стала планомерно заселяться русскими казаками по распоряжению правительства только с середины XIX века. Освоена к этому времени была лишь очень узкая прибрежная полоса левобережья Амура, поскольку почти вся Среднеамурская низменность заболочена, и ее сельскохозяйственное освоение требует значительных затрат на мелиорацию [3, 7, 8, 27]. Почти все казачьи станицы, поставленные по левому берегу Амура в 1850–1970-х годах, сохранились до наших дней, а их население продолжает считать себя потомками казаков и поддерживает казачьи традиции (в современной форме). Конечно, это население немногочисленно и сильно «разбавлено» последующими насельниками из Европейской России. Имели место смешения и с китайцами. В наши дни потомки казаков, проживающие в станицах, отчетливо дистанцируются от остальных групп населения во многом благодаря законам о казаках и казачьей службе (прежде всего ФЗ-154 от 5.12.2005 с изменениями и дополнениями). Условием для этого являются дополнительные преференции, привилегии и ресурсы, получаемые от государства «настоящими казаками».

Одновременно с государственным казачьим приграничным заселением, а скорее всего даже ранее по времени, шло несанкционированное заселение староверами горных таежных территорий Малого Хингана, Сугарского и Помпеевского хребтов (если говорить лишь о территории ЕАО). Их потомки и в наши дни являются практически единственными насельниками этих мест, исключая районы, непосредственно прилегающие к железнодорожной магистрали, или районы последующего промышленного горнорудного освоения (как, например, Кульдур, Хинганск и др.).

Староверов в ЕАО очень немного: по весьма приблизительным оценкам сотрудников областной администрации, около 500 человек (надо думать, последнюю четверть века никто их и не учитывал). Живут они в тайге на заимках, контакты с остальным населением ограничены (так видится горожанам). Однако их промысловая деятельность имеет, по нашим наблюдениям и смутным догадкам, много более существенное значение, чем это оценивают региональные власти и местные эксперты, и несопоставима с их относительной долей в составе населения региона. Вероятно, староверы контролируют всю неформальную и теневую хозяйственно-промысловую деятельность в горно-таежной зоне. Сюда относятся самые разные виды промыслов, далеко не только сбор даров леса. Хотя контакты староверов с другими группами населения очень ограничены, это вовсе не значит, что они изолированы. Их отношения с другими общинами старо-

ров весьма обширны: так, брачные связи простираются до Пермского края и далее («...девок замуж отдаем в Пермь, а ихних берем в жены...»).

Третий этап заселения территории (если считать самый ранний этап как два независимых – казачье и староверческое заселения) начался с конца XIX века несколькими новыми группами населения, но все они, как и казаки, поселялись здесь исключительно по правительственным распоряжениям. Прежде всего это население западных и центральных губерний Европейской России, прибывшее на строительство восточного участка Транссиба и оседавшее вдоль него. Таким образом была освоена узкая полоса западной горной (по Хингану) и предгорной территории на севере Среднеамурской низменности [9, с. 328]. Состав населения этого этапа был разнородным, групповая самоидентификация отсутствовала, и при относительно невысокой численности эта группа была полностью поглощена последующими волнами вселения. Надо, однако, отметить, что в этот период на территории уже появлялось еврейское население, преимущественно и почти исключительно торговцы, а также каторжане [22, 29].

Следующий, четвертый, этап заселения можно считать ключевым для региона по известным политическим причинам: сравнительно немногочисленное еврейское население, переводимое на приамурские низменности из западных районов страны и усаживаемое на землю как сельское колхозное население, получило особый статус титульной нации, а территория со временем приобрела статус отдельного национально-территориального образования [10, 15, 28]. Как по этой причине, так и по религиозно-культурным и этническим основаниям еврейская часть населения области сохранила высокий уровень идентификации с еврейским народом [25, 26], хотя и ассимиляционные процессы здесь с самого начала были интенсивны. Таковыми они остаются и ныне. («...я сам бурят, из Забайкалья. – А знакомые среди евреев есть? – Есть. Тёща еврейка. Тесть еврей. Жена тоже. – Ну и дети, значит? – Нет, дети не евреи, русские»).

Надо специально отметить своеобразный характер заселения территории этими четырьмя первыми группами: каждая из них «садилась» на особую, до этого пустующую территорию. Казаки освоили южные приграничные земли – берега Амура и приустьевые районы впадающих в него рек – Хингана, Помпеевки, Самары, Доброй, Биджана, Биры. Староверы заселили горно-таежные пространства нынешней западной части области (продолжая свое забайкальское и амурское расселение); строители Транссиба – узкую западную горную (Облучье) и предгорную полосу на севере Среднеамурской низменности (нынешний север ЕАО), горнозаводские рабочие – треугольник Облучье – Кульдур – Теплоозерск, центр концентрации месторождений твердого топлива, черных, цветных и редкоземельных металлов, а также строительных материалов [6]. Евреи были расселе-

ны по заболоченным территориям в долинах Биры и Большого Ина, на слабо заселенном востоке области (нынешний Биробиджанский и северо-западная часть Смидовичского районов включают практически все исконно еврейские поселения, за исключением нескольких собственно еврейских поселений в нынешнем Советском районе).

Пятый этап заселения начался с середины 1940-х гг., активизировался со строительством БАМа и с сопровождавшим его обустройством прилегающих территорий, масштабной добычей полезных ископаемых, развитием обрабатывающих производств, интенсификацией сельскохозяйственного производства, мелиорацией заболоченных земель, а также с политикой «северных надбавок и льгот» и, по-видимому, был наиболее растянутым, завершившись только к концу 80-х гг. В отличие от предыдущих, этот этап заселения не был ни сословно, ни конфессионально, ни этнически специфичным. Это население умножило численность как городского населения Биробиджана, Облучья, Кульдура, Хинганска, Теплоозёрска, Биры, Биракана и Смидовича, так и всех станиц и сел области. Русское население этого этапа численно составляет большинство, но отсутствие самоидентификации по какому-либо основанию нивелирует это преимущество перед остальными группами населения. По-видимому, именно эта группа и составила в последнее десятилетие основной источник более чем 10-процентного оттока населения из области [5, с. 44; 24]; еврейский исход в Израиль пропорционально не столь велик.

Значительный контингент населения на этом этапе составили военные [21]. Уже с 1930-х гг. началось интенсивное вселение воинских контингентов – пограничников, танкистов, летчиков, речников. Военное освоение территории началось, вероятно, одновременно с образованием национального района и обусловлено внешнеполитическими причинами, прежде всего китайским фактором. Военные размещались на заново построенных базах и в станицах: Бабстово, Ленинское (бывшее Михайло-Семёновское), Амурзет, окрестности Биробиджана. Поскольку немалая часть демобилизованного младшего командного состава оставалась жить в местах службы, расположенных пригранично, со временем они образовали особую категорию местного населения, по естественным причинам достаточно тесно связанную с казаками. У этой группы сильны «земляческие» связи, она имеет столичную поддержку; бывшие старшие офицеры, поселившиеся в столице или региональных центрах, имеют сейчас значительные экономические интересы на территории.

Шестой этап заселения региона начался, вероятно, в конце 1990-х гг. и наиболее активно протекает сейчас. Он захватил жителей постсоветских государств, прежде всего Таджикистана, Армении и Азербайджана. Менее многочисленны этнические группы из Узбекистана и кавказских

республик России (условно «кавказцы») [16]. Все эти новые насельники концентрируются в Биробиджане, районных центрах и поселках, прилегающих к автомагистрали и железной дороге. В определенном смысле они замещают экономически, социально и культурно отъезжающее из области в первую очередь русское и во вторую очередь еврейское население. Численность представителей кавказских и среднеазиатских народов быстро увеличивается в последние годы, хотя, по данным переписи 2010 г., их доля незначительна.

Этот этап характерен еще и тем, что на территории ЕАО впервые за почти два века появились китайцы (если не считать «хунхузов», которые, по словам некоторых экспертов, ежегодно проникают весной по ледоходу в тайгу Малого Хингана, а по осени по ледоставу возвращаются обратно; в составе уносимой добычи у них далеко не только традиционный женьшень). Почти все китайцы отходники: мигранты, имеющие годовые трудовые визы, а также сезонные работники, приезжающие на 1-2 месяца на уборку сои и других культур. Среди них доля «камелов», торговцев-челноков, сейчас сравнительно невелика, эту роль выполняют в основном русские жители амурских сел, расположенных на пограничных переходах. По данным Федеральной миграционной службы, а также по оценкам местных экономистов, численность трудовых мигрантов в области составляет всего около 1000 человек, а сезонников – до 20 и более тысяч [14, 16, 17]. Между тем китайцы совершенно незаметны не только в сельской местности, где они живут изолированно в убогих временках на полях и на бахчах, но и в городах и на городских рынках (хотя еще недавно немало мест здесь было арендовано китайцами). Не видно их и среди придорожных торговцев.

Таким образом, можно говорить о шести последовательных этапах заселения территории ЕАО, которые были значительны по численности переселенцев, не пересекались по времени вселения и различались по составу переселенцев сразу по нескольким ключевым признакам: происхождению, этнической истории, культуре, религии и популяционно-демографическим признакам.

Уникальный характер отношений между этносоциальными группами ЕАО

По результатам наблюдений и интервью мы зафиксировали наличие шести контрастирующих отношений между отдельными этническими группами населения, которые, по нашему мнению, определяют уникальный статус области и позволяют охарактеризовать этносоциальный потенциал этой территории. Такие отношения можно назвать оппозиционными, причем все шесть оппозиционных пар взаимосвязаны.

Территориальная дифференциация. Своеобразие истории заселения и эколого-географические особенности региона привели к тому, что в настоящее время территория области выглядит составленной из трех «лоскутов». Горно-таежный запад и север области – территория староверов и русского городского промышленного населения. Из потока новых вселенцев здесь преобладают армяне.

Болотистая Среднеамурская низменность и весь узкий восточный клин области – район Биробиджана и Смидовичей – территория численно преобладающих, но «недифференцированных» русских, одновременно заселивших эту территорию, и евреев (многие из которых имеют тесные связи с Израилем), а из новых вселенцев – таджиков и нескольких небольших этнических групп кавказцев.

Приамурская пограничная полоса на юге области – территория казаков-первопоселенцев и «пограничников», бывших и служащих военных, которые связаны больше не с региональным центром, а с городами европейской части России. Здесь ныне присутствуют также китайцы и азербайджанцы и имеет место пересечение интересов этих групп более сильное, чем у этносоциальных групп в Биробиджане и окрестностях.

Примечательно, что такому делению населения соответствует и нынешняя административно-территориальная структура области: первая группа – преимущественно Облученский район, вторая – Биробиджанский и Смидовичский, а третья – Советский и Ленинский. В результате население, в разное время попавшее на эту территорию, будучи разнородным по своему происхождению и истокам, сохраняет свою особость, непохожесть на соседей. При этом все без исключения группы являются новыми насельниками на территории. Что важно, они это осознают и признают. Именно это «ментальное» обстоятельство стало, по-видимому, важнейшим фактором, определившим уникальный характер отношений между различными этническими группами населения.

Замечательно, что группы недавних вселенцев – таджики и кавказцы, с одной стороны, и китайцы – с другой, находятся по отношению к остальному, основному по численности населению области примерно в таком же отношении, как и две группы первопоселенцев (казаки и староверы) между собой. Все они стоят несколько особняком относительно остального населения и противостоят друг другу. Во всех случаях речь идет о развитых механизмах самоизоляции при относительно невысокой численности указанных этносоциальных групп на фоне основного русского и «евреизированного» населения. При этом уровень местной самоорганизации и сплоченности каждой из групп новых вселенцев существенно выше, чем у «вмещающего» русского и во многом ассимилированного еврейского населения.

Различия в хозяйственно-экономических практиках. Разные этносоциальные группы используют разные хозяйственно-экономические практики, важнейшие из которых не конкурируют между собой, что безусловно способствует мирному сосуществованию разных по происхождению групп. Мы наблюдаем очень яркий пример занятия группами разных экономических ниш. Использование разных видов ресурсов и разных практик освоения этих ресурсов позволяет этническим группам и разным по происхождению социальным группам не вступать в острые конкурентные отношения, что безусловно способствует солидарности как в социальных и межэтнических, так и в межконфессиональных отношениях. Эту ситуацию можно сравнить с аналогичным характером заселения русскими крестьянами Восточного Туркестана в XIX веке: отсутствие конкуренции между хозяйственно-экономическими практиками пришлого и местного населения способствовало мирному вселению на территорию большой по численности русской популяции [12, 13].

Разнесенность хозяйственно-экономических практик по территории и по этническим группам, старательное избегание конкуренции настолько бросаются в глаза стороннему наблюдателю, что кажутся самой яркой отличительной особенностью экономического поведения населения области. Если очень схематично обрисовать сферы экономических интересов групп населения, размежевание выглядит так.

Проживающие в сельской местности потомки казаков и староверы заняты преимущественно промыслами местных ресурсов, а также фермерским сельским хозяйством. Промыслы многообразны, повсеместно неформальны и нередко имеют теневой (и даже криминальный) характер. Это добыча ценных растительных и животных ресурсов (из случайного разговора с мужчиной 50 лет, продающим грибы на дороге в селе Лазарево: «... – Охота тут у вас хорошая, наверное? Вон, лес на сопках какой. – Кабанов много. – Охотитесь на них? – Да. Но скоро и тигры с Уссури придут за кабанами на откорм. – А [обратно] уйдут? – Ну да!»), а также разнообразных минеральных ресурсов. Сельскохозяйственный промысел у представителей этих групп не имеет характера агропромышленного производства – это производство «под себя», для самообеспечения, потому его можно назвать «фермерским» лишь условно.

Бывшие военные занимают сферу мелкого или среднего индустриального предпринимательства и услуг (туристический и гостиничный бизнес, трансграничная и приграничная торговля, торговля на дальние расстояния специфическими видами товаров). Евреи в значительной степени концентрируются в бюджетной сфере (особенно в системе регионального и местного управления), предоставляют услуги и заняты торговлей. Таджики занимаются мелкой рыночной торговлей и созданием сетевых торговых

компаний, предоставлением услуг на рынках, строительством; азербайджанцы – строительством, торговлей (они контролируют многие крупные торговые точки и региональные сетевые магазины), сферой услуг, обеспечением сельскохозяйственного производства. Сопоставимая с азербайджанцами по численности армянская диаспора занимается строительством, относительно много армян представлено в разных структурах власти [20]. Вмещающее русское население, многочисленное сравнительно с остальными группами, занято в бюджетной сфере, в местной экономике (материальная сфера и услуги), а также на вахтовых работах (отходничество) [16].

Разнесены не только виды экономической активности отдельных этносов, имеет место и территориальная дифференциация. Так, по данным Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН на 2010 г. [16], для территориального распределения экономической активности характерна преимущественная концентрация таджиков в Биробиджане и пригородах Хабаровска (Камышовка); армяне, кроме этих же центров, концентрируются в Облученском районе (Облучье, Теплоозерск, Известковый); азербайджанцы – преимущественно на юге области в сельской местности (Амурзет, Биджан, Ленинское, Бабстово).

На этом фоне почти всё население области (не только сельские жители, но и горожане) занято промысловой деятельностью: охотой, рыбалкой и сбором ресурсов леса. По отзывам экспертов, *«... практически в любой деревне, в любой у нас здесь по области, минимум с десятков семей, которые живут только промыслами. Только промыслами. Все остальные [тоже] этим живут...»*. При этом четко разделены участки промысла разных семей и жителей разных сел и станций – образец сохранения и воспроизводства архаических отношений: *«В принципе, это одни и те же традиционно люди. Скажем, если они занимаются кедровым орехом... так они занимаются кедровым орехом. И в принципе никто другой туда особо не пойдет. Заветное место... Другая группа людей, туда, на Теплые ключи, – это что? Это мед. У них своя сфера. И чтобы какие-то новые потоки вот именно вливались, у нас такого вот – не знаю... Нет конкуренции. Просто она не нужна. Каждый занимается своим делом. Бираканский, старовер, согласитесь, не пойдет продавать фрукты в Биробиджане, как таджик. Ну не будет он! А таджик не будет разводить пасеки... По большому счету, да, здесь возникает достаточно четкая специализация»*.

Китайцы и местные корейцы заняты сельскохозяйственным производством – преимущественно выращиванием сои и бахчевых на южных приамурских землях, взятых ими в долгосрочную аренду. Корейцы в результате голода в 1871 г. были переселены из Северной Кореи и поселены в устье р. Самары в трех верстах от Амура на пустых болотистых землях, где они основали корейское село Благословенное [4]. Они повсеместно имеют репутацию лучших растениеводов и огородников и даже китайцами

привлекаются как наилучшие эксперты в сельском хозяйстве. Сами китайцы представлены сельскохозяйственными трудовыми мигрантами-отходниками, имеющими годовую трудовую визу, и сезонниками, нанимаемыми из ближних приграничных территорий на 1-2 месяца на время уборки сои. В настоящее время китайцы начали переходить от исключительного выращивания сои с применением многочисленных удобрений и ядохимикатов к «экологичному» производству риса и других зерновых культур, что позволит им в будущем выходить на европейский рынок и занимать элитные сегменты потребления (из интервью с энтузиастом «экологичного» агропроизводства, китайским предпринимателем «Мишей», хозяином агрофирмы «Новая эра»).

Деятельность китайских предпринимателей в этом направлении снижает значительную напряженность в отношениях между ними и властью и местным населением, которая сохранялась все последние годы [2, 19, 31]. Причины напряженности таятся в коренных различиях отношения китайцев и русских к земле, имеющих глубокую традицию: в отличие от русских (в самом широком смысле слова), китайцы хищнически относятся к обрабатываемой земле, стремясь «выжать все соки», что признают и они сами [33]. Изменения в экономическом поведении китайцев, даже если они пока лишь декларируются, снижают напряженность и тем самым экономическую конкуренцию между этническими группами. Помимо сельхозпроизводства, китайцы заняты торговлей на местных рынках: «...*есть у нас сегодня прослойка не наших граждан, – китайцы, допустим, приезжают – то, понятно, они приезжают работать на наших полях. Берут в аренду и т.д. Торгуют, значит, на всю. Вон у нас целый китайский рынок в Биробиджане*». Но в последние годы их активность на рынках снизилась.

Имеет место, таким образом, даже не двойная, а тройная дифференциация разных этнических групп населения по формам и видам хозяйственно-экономических практик, что безусловно значительно снижает или вообще снимает остроту конкуренции между ними. Во-первых, сравнительно четко разделены сферы экономической активности. Во-вторых, перекрывающиеся сферы разнесены территориально. В-третьих, дифференцирована и промысловая хозяйственная активность населения, осуществляемая неформально или в теневом сегменте. А объемы промысловой продукции, по нашим наблюдениям, очень велики: надо говорить, по крайней мере, о двукратном доходе сравнительно с официальными средними денежными доходами населения.

Оппозиционность по этносоциальному основанию. Население области демонстрирует существенное этническое разнообразие. При этом важно не количество разных этнических групп, а многочисленность представителей нескольких групп, причем имеет значение активная часть насе-

ления. Такая активность определяет не только выраженность и специфичность хозяйственно-экономических практик, но и направленность этнических установок. Евреи в немалой степени ориентированы на Израиль; таджики и азербайджанцы – на новые постсоветские государства Средней Азии и Кавказа; местные староверы поддерживают более тесные отношения с единоверцами Урала и Европейской России, нежели с соседями по району; китайцы ориентированы на свое государство и соответствующие традиции. Казалось бы, эти центробежные установки представителей основных этносоциальных групп должны вести к социальной диссоциации. Между тем фактически такая разнонаправленность не мешает, а содействует тому, что территория области фактически представляет этнический «плавильный котел». Здесь всем хорошо, представители всех этносов чувствуют себя здесь как дома, им комфортно и в моральном, и в этическом смыслах.

В этом вопросе представители всех этносов и групп, простые люди и эксперты, были единомышленны: различия в этнических, культурных и этно-политических установках отнюдь не мешают взаимодействию людей, установлению и поддержанию дружеских отношений между разными группами. Никто не рассматривает этносоциальные различия (оппозиционность установок) в качестве условия для разногласий. То же самое относится и к различиям по культурно-бытовым, историческим и конфессиональным основаниям.

Оппозиционность по культурно-бытовым основаниям. В области сохраняются существенные культурно-бытовые различия между всеми основными этническими и социальными группами – как давними, так и недавними вселенцами. Важнее, однако, не очевидные культурно-бытовые различия, а различия внутри этнических групп.

Даже русские старообрядцы и потомки казаков, несмотря на историческое культурно-бытовое сходство, несмотря даже на то, что многие из них происходят из одних территорий на западе страны, сохраняют различия в бытовой культуре, сформированные в последнее столетие в результате важных различий в хозяйствовании и бытовых практиках, обусловленных во многом политическими причинами. Казаки служили, стояли на «государевом коште» в виде материальных форм жалования (зерно, фураж, мука, сено, амуниция, скот и проч.). Староверы были гонимыми «раскольниками», преследуемыми везде и повсеместно, вынужденными по необходимости заниматься промыслами теневыми или вовсе запрещаемыми государством (например, золотодобычей). Соответственно, бытовую культуру тех и других определяли несходные по направленности и интенсивности механизмы самоизоляции. Самоизоляция казаков направлена была прежде всего на чужих для государства, самоизоляция староверов – от государства.

Это целиком и полностью определило и характер расселения тех и других, и организацию самих поселений, и хозяйственные особенности и бытование.

Такого же рода оппозиционность и сходство бытовых практик наблюдается между нынешними потомками многочисленных представителей «советского набора» и военными-пограничниками. При внешней, поверхностной неразличимости тех и других имеет место глубинное основание для их дифференциации: преференции и привилегии вторых обусловлены государственным служением и длительным сохранением связей в силу корпоративной солидарности, в то время как потомки «советского набора» являлись и являются по преимуществу наемными работниками, даже если в их семьях и есть служащие-«бюджетники». Это глубинное различие определяет не только широту связей и разнокачественность отношений (например, наличие друзей и приятелей, живущих на другом конце страны), но и бытовые различия (район проживания, вид и качество домов и усадеб, интерьеры и многое другое).

Но почти то же мы можем сказать на основе экспертных интервью и о различиях между евреями в селах и городе. Из сел многие, если не большинство, эмигрировали; остались лишь единицы (за исключением, возможно, только Валдгейма и Найфельда; в Бирофельде остались 1-2 семьи). Горожане (оставшиеся, хотя многие из них ориентированы на Израиль) не собираются уезжать, причем немалая часть их находится в системе управления разных уровней и разных институций. Насколько можно судить, характер бытовых различий между теми и другими группами евреев таков же, как между русскими горожанами и обитателями деревень. И в городе, и на селе многие еврейские семьи, совершенно забыв традиции (точнее сказать, и не зная их), не желают их восстанавливать. Если это и делается, то только по необходимости – при принятии решения об эмиграции (для сравнения: по словам главы общины «Фрейд» Романа Ледера, активная часть религиозной общины составляет около 50 человек, тогда как материальную помощь получают здесь около 500 семей).

Интенсивные процессы ассимиляции евреев-ашкенази, которые протекают здесь уже на протяжении трех-четырех поколений, привели к особому национальному статусу евреев в ЕАО. Некоторые эксперты уверены, что до $\frac{3}{4}$ всех местных русских имеют так или иначе еврейские корни. Одновременно с популяционной ассимиляцией имеет место и взаимная культурная ассимиляция, которая интенсивно протекала в прежние годы и идет сейчас: *«Биробиджанский еврей – это неизбежная метисация. Дело не в крови – тут, как ни странно, дело оказывается вполне чистым. Я имею в виду другое: биробиджанский еврей – это дважды культурный метис... От этого он, разумеется, не перестал быть евреем. Вопрос идентификации для него превращается в увлекательную смысло-*

вую интригу, в хорошее подспорье для мозгов. Но если два десятка лет назад частица еврейской крови была по большей части лицензией на выезд, то сейчас, по моим наблюдениям, это повод для построения гораздо более широких смысловых горизонтов» (из интервью проф. Приамурского университета П.Н. Толстогузова газете «Биробиджанер Штерн»). Поэтому оппозиция по культурно-бытовым основаниям внутри еврейского этноса определяется интенсивностью ассимиляционных процессов и их результатом. Маркером в наши дни остается намерение и готовность к эмиграции в Израиль.

Аналогична картина отношений между разными представителями таджикской диаспоры. По мнению наших респондентов-таджиков, весьма значительны различия в бытовом поведении, обыденных предпочтениях и установках между таджиками, которые уже обосновались здесь постоянно, имеют семьи, построили дома, дети их ходят в местную школу, хорошо говорят по-русски, сами они имеют много знакомых и друзей среди местных русских и евреев, и теми таджиками, которые являются здесь лишь сезонными трудовыми мигрантами. В отличие от последних, укоренившиеся таджики создали культурно-бытовые практики, где очень тесно переплетены, с одной стороны, тщательно воспроизводимые таджикские этнические бытовые традиции, а с другой – современные русские и элементы еврейских традиций. По-видимому, это обусловлено невозможностью в новых условиях воспроизвести в полном объеме традиции бытования, характерные для Таджикистана. Заметим, что, по отзывам респондентов-таджиков, эмигранты из Горного Бадахшана гораздо лучше адаптируются к местным условиям, чем таджики из Душанбе и его окрестностей.

По-видимому, аналогичные различия имеют место и между китайцами-сезонниками, приезжающими на летний сезон на 1-2 месяца, и постоянными (годовыми) трудовыми мигрантами из Китая. Культурно-бытовые практики тех и других радикально отличны. Но это требует дополнительного исследования, поскольку это заключение основано на нескольких эпизодических наблюдениях и двух экспертных интервью, где были упомянуты такие различия.

Таким образом, оппозиционный «расцеп» по культурно-бытовым основаниям (бытовые установки, повседневные практики) проходит не только между разными этносами, но и между разными социальными группами внутри самих этносов. Это обстоятельство представляется мне важным связующим – цементирующим – фактором межэтнического взаимодействия в регионе, поскольку следствиями такого цементирования оказываются новая социальная дифференциация местного общества и отказ каждого этноса от привнесенной социальной структуры. Вынужденная объективно – в новых условиях бытования и на новом пространстве обитания – внутри-

этническая дифференциация по культурно-бытовым основаниям снимает старые стратификационные основания и способствует новой «склейке» общественной структуры.

Исторически обусловленная дифференциация отдельных этносоциальных групп в регионе совершенно очевидна. Поэтому обращу внимание только на один специальный момент. В разных этнических группах по-разному воспроизводится историческая память, соответственно различается степень связности представителей таких групп (вполне в соответствии с концепцией Ф. Тённиса). Социальная связность выше и родственные отношения крепче у таджиков, азербайджанцев, армян, а также, вероятно, у китайцев (трудовых мигрантов-селян) по сравнению с русскими и евреями. Последние меньше связаны со своей исторической малой родиной, и эта связь обусловлена еще и привходящими факторами. Можно на этом основании выделить оппозиционную пару: русские и евреи – с одной стороны, кавказцы, таджики и китайцы – с другой. Соответственно, самоизолирующие механизмы в первом случае слабые, во втором – существенно сильнее.

Конфессиональное разнообразие. В области много христианских сект и церквей, есть мусульманская община, несколько еврейских общин. Разобщенность межсектантская у христиан очевидна и достаточно выражена. Местные еврейские общины тоже активно противоборствуют друг с другом, хотя извне это незаметно. Есть признаки того, что и мусульманская община не едина. Но на уровне межконфессионального церковного общения наблюдается неизменная дружба и согласие. Официальные представители церквей поддерживают друг друга в исполнении треб и содействуют самым разным начинаниям.

Конечно, уникальность ЕАО не в многочисленности конфессий и сект, а в концентрации их на небольшой территории одного города и в тесноте культурных, общественных, экономических, бытовых связей приверженцев разных конфессий. Это создает особую атмосферу межконфессионального взаимодействия, что отмечают все наши эксперты с удовлетворением и даже некоторой гордостью за эту местную особенность религиозной жизни людей. Да и мы сами ощутили это на себе, непосредственно участвуя в нескольких культурно-религиозных мероприятиях в синагоге, церкви и мечети («...так, вот допустим, у них начинается там Байрам или какой праздник, я его [соседа-таджика] поздравляю... я не знаю еврейских праздников. Я прожила по христианским законам. Потому что я, например, знаю, что Вербное воскресенье, что оно совпадает с еврейской Пасхой. Это я знаю. Но я знаю только в тот день, когда Вербное воскресенье...» – из интервью с пенсионеркой-еврейкой, бывшей школьной учительницей, Биробиджан, 30.09.2016).

Таким образом, разноплеменные по происхождению жители и резиденты ЕАО, имеющие разные язык и культуру, историю и религию, бытовые и хозяйственные практики, разное отношение к пространству и разную промысловую активность, встретившись и соединившись на одной территории, сумели размежеваться и ужиться, наладить взаимопонимание и общение. В этом и заключается общий высокий потенциал местного общества, на фоне которого несколько выделяется потенциал еврейского этноса.

Заключение

Современная территория ЕАО в результате одновременных и последовательных вселений разделена на несколько «зон влияния» разных этносоциальных групп и представляется «лоскутной». Основные отношения складываются между этносоциальными группами, специализирующимися в разных экономических сферах, осваивающими разные ресурсы: коммерция, предпринимательство, промыслы, бюджет и административный ресурс.

Такое положение создает 3–4 сферы влияния разных этносоциальных групп и ведет к разрывам территории в регионе. Область, как административно целое образование, по хозяйственно-экономическим практикам и относительному влиянию этносоциальных групп разделена на три части, которые, надо ожидать, непрочно связаны между собой. Должна иметь место конкуренция между группами, контролирующими эти части территории, за административный ресурс. И здесь ключевые позиции занимают представители еврейской группы, находящиеся в центре всей сложившейся системы хозяйственно-экономических связей, а вслед за этим и социально-культурных, исторических и конфессиональных отношений.

Наше полевое исследование в регионе подтвердило сделанные ранее предположения о несоответствии внешних представлений об области и ее этническом потенциале и реальной ситуацией на местах. Влияние еврейского этнического фактора оказалось существенно большим, чем это представляется извне, исходя лишь из оценок статистических данных о численности еврейского населения области. Влияние китайского фактора, напротив, на месте оказалось существенно менее важным не только в социально-политическом, но и в экономическом отношении.

Фактор межэтнических отношений вообще оказался весьма существенным. Такое же значение имеет и фактор конфессиональных различий. Выявились и значительное влияние других иноэтнических факторов, новых для области: значение таджикской и, в меньшей степени, армянской и азербайджанской диаспор. Остался не до конца выясненным вопрос о

значении и роли двух групп населения: приезжих русских военных-пограничников, контролирующих значительные ресурсы административно-военного происхождения, а также небольшой по численности, но важной в экономическом и политическом смыслах группы русских старообрядцев, проживающих в таежных селах и на займках.

Литература

1. Административно-территориальное устройство Еврейской автономной области, 1858–2003 гг. / отв. ред.: В.П. Шулятиков, А.И. Швагерус. – Биробиджан: б. и., 2004. – 352 с.
2. Аносова С.В. Сельское хозяйство Еврейской автономной области в конце XX – начале XXI века // Региональные проблемы. – 2011. – Т. 14, № 1. – С. 71–76.
3. Аношкин А.В. Развитие пойменно-русловых комплексов рек территории Еврейской автономной области в условиях экстремальных паводков и повышенной водности // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18, № 1. – С. 35–42.
4. Байва Н.П. Из истории села Благословенного Октябрьского района Еврейской автономной области (по документам государственного архива за 1881–1938-й годы) [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: http://nasledie-eao.ru/news/detail.php?ID=2013&sphrase_id=1370 (дата обращения: 15.10.2018).
5. Бляхер А.Е., Григоричев К.В. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // Полития. – 2011. – № 4 (63). – С. 35–60.
6. ВСЕГЕИ. Информационные ресурсы. Еврейская автономная область. Карта инфраструктуры минерально-сырьевого комплекса [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsegei.ru/ru/info/gisatlas/dvfo/evreyskaya_obl/index.php (дата обращения: 15.10.2018).
7. Зубарев В.А. Сельскохозяйственная мелиорация на территории Дальнего Востока России // Региональные проблемы. – 2013. – Т. 16, № 1. – С. 66–71.
8. Зубарев В.А. Болота на территории Еврейской автономной области и факторы их формирования // Региональные проблемы. – 2016. – Т. 19, № 1. – С. 30–35.
9. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). – Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1976. – 200 с.
10. Кальмина Т.В. Еврейские общины Восточной Сибири: середина XIX века – февраль 1917 года: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Иркутский государственный ун-т. – Иркутск, 2003. – 585 с.
11. Кропоткин П.А. Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию // Русский вестник. – 1865. – Т. 57. – С. 585–681.
12. Лурье С.В. Геополитические формы организации пространства экспансии и их влияние на характер народной колонизации // Цивилизации и культуры / гл. ред. Б.С. Ерасов. – М., 1996. – Вып. 3. – С. 175–189.
13. Лурье С.В. Этнокультурные особенности восприятия народом осваиваемой территории // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 1.

14. Мищук С.Н. Современные миграционные процессы на Дальнем Востоке (на примере Еврейской автономной области) // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 50–57.
15. Мищук С.Н. Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке середины XIX в. – начала XXI в.: факторы, динамика, результаты // Известия РАН. Серия географическая. – 2013. – № 6. – С. 33–42.
16. Мищук С.Н. Мигранты и принимающее сообщество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России). – Биробиджан: Изд-во ИКАРПИ ДВО РАН, 2014.
17. Мищук С.Н. Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере Дальневосточного федерального округа) // Экономика региона. – 2014. – № 2. – С. 194–201.
18. Мищук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // Известия РАН. Серия географическая. – 2016. – № 1. – С. 38–48.
19. Мищук С.Н. Факторы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России // Региональные проблемы. – 2016. – Т. 19, № 1. – С. 36–46.
20. Мищук С.Н. Общий обзор основных национальных общин ЕАО: (научный отчет). – 2017.
21. Мотрич Е.А. Мигранты на российском Дальнем Востоке и оценка их взаимоотношений с местным населением [Электронный ресурс] // ДВОПП: Дальневосточное отделение промышленников и предпринимателей. – 2013. – URL: <http://www.dvop.ru/index.php/incomingmail/829-2013-02-20-05-43-48> (дата обращения: 15.10.2018).
22. Островский Ю. Сибирские евреи. – СПб.: б. и., 1911. – 62 с.
23. Тяньцзиньские договоры 1858 [Электронный ресурс]. – URL: <http://endic.ru/diplomat/Tjanczinskie-Dogovory-1858-1038.html> (дата обращения: 15.10.2018).
24. Официальный портал органов государственной власти Еврейской автономной области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eao.ru/o-eao/eao-v-tsifrakh/> (дата обращения: 15.10.2018).
25. Примак П.В. Этнокультурная адаптация евреев ЕАО в XX веке // Россия и АТР. – 2006. – № 3. – С. 62–66.
26. Примак П.В. Этнокультурная адаптация евреев ЕАО к общественным трансформациям конца XX – начала XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. – Биробиджан, 2006. – 246 с.
27. Прозоров Ю.С. Болота нижнеамурских низменностей. – Новосибирск: Наука, 1974. – 212 с.
28. Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. – I четв. XX в.). – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. – 256 с.
29. Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). – Красноярск: Кларетинанум, 2001. – 292 с.

30. Сибирь. Атлас Азиатской России. – Новосибирск; М.: Феория, 2007. – 863 с.
31. Соловченков С.А. Село юга Дальнего Востока: последствия 20 лет преобразований // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 4. – С. 99–107.
32. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX в.). – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – 306 с.
33. Цинь Хуэй. Раздел имущества больших семей [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2004. – № 1 (16). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/1/razdel-imushchestva-bolshih-semey> (дата обращения: 15.10.2018).

В цикл статей, исследующих этносоциальный потенциал уникального образования – Еврейской автономной области, входят также следующие статьи, опубликованные в этом же номере «Идей и идеалов»:

Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области / С.Г. Кордонский, М.И. Чернов, О.А. Моляренко, Ю.М. Плюснин;

Чернов М.И. Еврейские общины и «еврейский фактор» в Еврейской автономной области;

Бляхер Л.Е. Кто такие «еврейцы», или опыт культурного синтеза на Амуре.

ИИ

Статья поступила в редакцию 08.04.2018 г.

Статья прошла рецензирование 16.05.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-136-159

TERRITORY OF SOCIAL WELLBEING. INTERACTION OF ETHNO-SOCIAL GROUPS IN THE JEWISH AUTONOMOUS REGION

Plusnin Juri,

*Dr of Sc. (Philosophy), Dr of Sc. (Biology), Professor,
Deputy Head of Laboratory of the Municipal Administration,
Faculty of Social Sciences,
National Research University "Higher School of Economics",
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9576-4921
juri.plusnin@gmail.com*

Abstract

The paper considers peculiarities of settlement of the present Jewish Autonomous Region by different ethno-social groups. The author discusses the conditions and factors determining intergroup relations. The article defines and describes the types of conflicts (contradictions) among different ethno-social groups that determined the role and importance of these groups in the region.

The author outlines six successive stages of the territory settlement by different groups over the last 200 years. It is highlighted that large groups of settlers and the periods of their settlement did not overlap in time. These are the groups of the Cossacks and the Old Believers, the Transsib builders and workers involved in the industrial development of the region, the Jews and the Tajiks, the representatives of the Caucasian peoples. All groups differed according to the following important characteristics: the origin and previous ethnic history, cultural stereotypes and economic practices of households, they also had confessional differences. Finally, the groups had different population and demographic characteristics. Basic relations were established between those ethno-social groups which were specializing in different economic spheres and developing different resources: commerce, entrepreneurial activities, handicrafts (Tajiks, Armenians, Chechens, Dagestani, Azerbaijani, and also Old Believers), budget and administrative resources (Jews, Russians and Armenians). All the above mentioned factors contributed much to the special character of relations among ethno-social groups in the region. The relations can be characterized as contrasting and conflicting. They determine a unique socio-demographic status of the region and allow to assess the ethno-social potential of the territory. Diversity and contrast provide the overall high social potential of local society, where the Jewish ethnos stands out against the background of all the others.

The modern territory of the region is divided into several "zones of influence" of different ethno-social groups. It resembles "a patchwork". The region, as an administrative entity, is divided into three parts, loosely linked. The northeastern part, the Middle Amur lowland, has been inhabited by Russians and Jews, and now Tajiks are pouring into the region. The northwest of the region, the mountain-taiga territory of the Small Hingan, is controlled mainly by Russian

representatives of the period of Soviet development and a small Russian Old Believer community. The south of the region, the territory adjacent to the Amur, forms a “zone of influence of the frontiers”: these are the descendants of the first-settlers – the Cossacks and the current military men. The Azerbaijani and the Chinese also have great influence here. Territorial “patchwork” creates several “spheres of influence” for different ethno-social groups. They are supposed to have a competition for the administrative resource among the groups controlling these parts of the territory. The Jewish group holds the key positions here, the representatives of which for various reasons occupy a central place in the current system of economic relations and political-administrative relations.

There is a discrepancy between the real situation and the external ideas about the region, its political, social and demographic status and ethnic potential. According to the estimates and official statistics on the number of Jewish population in the region, the influence of the Jewish ethnic factor turned out to be significantly larger than it appears from the outside. The influence of the Chinese factor, on the contrary, turned out to be significantly less important not only in the socio-political sphere but also in the economy. The factor of interethnic relations turned out to be very significant and has an undoubtedly positive significance. The factor of confessional differences between the key ethno-social groups – several Russian groups, Jews, Tajiks and Chinese – is equally positive.

Keywords: the Jews, the Russians, the Cossacks, the Tajiks, “the Caucasians”, the Chinese, the Jewish Autonomous Region, internal migration, cross-border migration, economic practices, crafts, inter-confessional interaction, interethnic interaction, ethno-social potential.

Bibliographic description for citation:

Plusnin Ju. Territory of social wellbeing. Interaction of ethno-social groups in the Jewish Autonomous Region. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 1, pp. 136–159. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-136-159.

References

1. Shulyatikov V.P., Shvagerus L.I., ed. *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Evreiskoi avtonomnoi oblasti, 1858–2003 gg.* [Administrative-territorial structure of the Jewish Autonomous Region, 1858–2003]. Birobidzhan, 2004. 352 p.
2. Anosova S.V. Sel'skoe khozyaistvo Evreiskoi avtonomnoi oblasti v kontse XX – nachale XXI veka [Agriculture of the Jewish Autonomous Region in the end of XX – the beginning of the XXI century]. *Regional'nye problemy – Regional Problems*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 71–76.
3. Anoshkin A.V. Razvitie poimennenno-ruslovykh kompleksov rek territorii Evreiskoi avtonomnoi oblasti v usloviyakh ekstremal'nykh pavodkov i povyshennoi vodnosti [Development of floodplain-channel river complexes in Jewish Autonomous Region during extreme floods and high water]. *Regional'nye problemy – Regional Problems*, 2015, vol. 18, no. 1, pp. 35–42.
4. Baeva N.P. *Iz istorii sela Blagoslovennogo Oktyabr'skogo raiona Evreiskoi avtonomnoi oblasti (po dokumentam gosudarstvennogo arkhiva za 1881–1938-i gody)* [From the history of the

village of the Blessed October District of the Jewish Autonomous Region (according to the documents of the state archive for the years 1881–1938)]. 2017. Available at: <http://nasledie-eao.ru/news/library.php> (accessed 15.10.2018).

5. Blyakher L.E., Grigoriev K.V. Migranty i migratsionnaya politika v postsovetsoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Migrants and migration policy in Post-Soviet Siberia and the Far East]. *Politiya – Politeia*, 2011, no. 4 (63), pp. 35–60.

6. VSEGEI. *Informatsionnye resursy. Evreiskaya avtonomnaya oblast'. Karta infrastruktury mineral'no-syr'evogo kompleksa* [VSEGEI. Informational resources. Jewish Autonomous Region. Map of the infrastructure of the mineral-raw complex]. Available at: http://www.vsegei.ru/ru/info/gisatlas/dvfo/evreyskaya_obl/index.php (accessed 15.10.2018).

7. Zubarev V.A. Sel'skokhozyaistvennaya melioratsiya na territorii Dal'nego Vostoka Rossii [Agricultural melioration in the Russian Far East]. *Regional'nye problemy – Regional Problems*, 2013, vol. 16, no. 1, pp. 66–71.

8. Zubarev V.A. Bolota na territorii Evreiskoi avtonomnoi oblasti i faktory ikh formirovaniya [Marshes in the territory of the Jewish Autonomous Region and the factors of their formation]. *Regional'nye problemy – Regional Problems*, 2016, vol. 19, no. 1, pp. 30–35.

9. Kabuzan V.M. *Kak zasehyalsya Dal'nii Vostok (vtoraya polovina XVII – nachalo XX veka)* [How the Far East was populated (the second half of the 17th century and the beginning of the 20th century)]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976. 200 p.

10. Kal'mina T.V. *Evreiskie obschchiny Vostochnoi Sibiri: seredina XIX veka – fevral' 1917 goda*. Diss. dokt. ist. nauk [Jewish communities of Eastern Siberia: mid-19th century – February 1917]. Dr. hist. sci. diss.]. Irkutsk, 2003. 585 p.

11. Kropotkin P.A. Poezdka iz Zabaikal'ya na Amur cherez Man'chzhuriyu [A trip from Transbaikalia to the Amur through Manchuria]. *Russkii vestnik – Russian Messenger*, 1865, vol. 57, pp. 585–681.

12. Lur'e S.V. Geopoliticheskie formy organizatsii prostranstva ekspansii i ikh vliyanie na kharakter narodnoi kolonizatsii [Geopolitical forms of organization of the expansion space and their influence on the character of people's colonization]. *Tsivilizatsii i kul'tury* [Civilizations and Cultures]. Ed. by B.S. Erasov. Moscow, 1996, iss. 3, pp. 175–189.

13. Lur'e S.V. Etnokul'turnye osobennosti vospriyatiya narodom osvvaivamoï territorii [Ethnocultural features of people's perception of the territory under study]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda – Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*, 1996, no. 1.

14. Mishchuk S.N. Sovremennyye migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke (na primere Evreiskoi avtonomnoi oblasti) [Modern migration processes in the Far East (by the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, 2011, no. 1, pp. 50–57.

15. Mishchuk S.N. Vnutrennyaya i mezhdunarodnaya migratsiya na rossiiskom Dal'nem Vostoke serediny XIX v. – nachala XXI v.: faktory, dinamika, rezul'taty [Inner and International Migration in the Russian Far East in the MID 20th – early 21st

Century]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya – Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 2013, no. 6, pp. 33–42.

16. Mishchuk S.N. *Migranty i primamayushchee soobshchestvo: regional'nyi aspekt (na primere Dal'nego Vostoka Rossii)* [Migrants and the host community: a regional dimension (exemplified by the Russian Far East)]. Birobidzhan, CARP FEB RAS Publ., 2014.

17. Mishchuk S.N. Osobennosti mezhdunarodnoi trudovoi migratsii iz Kitaya v Rossiyu (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) [Features of international labor migration from China to Russia (on the example of the Far Eastern Federal District)]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, 2014, no. 2, pp. 194–201.

18. Mishchuk S.N. Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo v sel'skom khozyaistve Dal'nego Vostoka Rossii [Russian-Chinese cooperation in the agriculture of the Russian Far East]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya – Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 2016, no. 1, pp. 38–48.

19. Mishchuk S.N. Faktory mezhetnicheskogo vzaimodeistviya na Dal'nem Vostoke Rossii [Factors of interethnic interaction in the Russian Far East]. *Regional'nye problemy – Regional Problems*, 2016, vol. 19, no. 1, pp. 36–46.

20. Mishchuk S.N. *Obshchii obzor osnovnykh natsional'nykh obshchin EAO: (nauchnyi otchet)* [General overview of the main national communities of the Jewish Autonomous Region: (scientific report)]. 2017.

21. Motrich E.L. Migranty na rossiiskom Dal'nem Vostoke i otsenka ikh vzaimootnosheniĭ s mestnym naseleniem [Migrants in the Russian Far East and an assessment of their relationship with the local population]. *DVOPP: Dal'nevostochnoe ot-delenie promyshlennikov i predprinimatelei* [DVOPP: Far Eastern Branch of Industrialists and Entrepreneurs]. 2013. Available at: <http://www.dvop.ru/index.php/incoming-mail/829-2013-02-20-05-43-48> (accessed 15.10.2018).

22. Ostrovskii Yu. *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg, 1911. 62 p.

23. *T'jan'zj'in'skie dogovory 1858* [Tianjin Treaty 1858]. Available at: <http://endic.ru/diplomat/T'janczinskie-Dogovory-1858-1038.html> (accessed 15.10.2018).

24. *Ofitsial'nyi portal organov gosudarstvennoi vlasti Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [Official portal of the government authorities of the Jewish Autonomous Region]. Available at: <http://www.eao.ru/o-eao/eao-v-tsifrakh/> (accessed 15.10.2018).

25. Primak P.V. Etnokul'turnaya adaptatsiya evreev EAO v XX veke [Ethnocultural adaptation of Jews of the Jewish Autonomous Region in the 20th century]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*, 2006, no. 3, pp. 62–66.

26. Primak P.V. *Etnokul'turnaya adaptatsiya evreev EAO k obshchestvennym transformatsiyam kontsa XX – nachala XXI vv.* Diss. kand. ist. nauk [Ethnocultural adaptation of the Jews of the EAO to the social transformations of the late XX – early XXI centuries. PhD hist. sci. diss.]. Birobidzhan, 2006. 246 p.

27. Prozorov Yu.S. *Bolota nizhneamurskikh nizmennostei* [Marshes of the Lower Amur lowlands]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. 212 p.

28. Romanova V.V. *Evrei na Dal'nem Vostoke Rossii (II pol. XIX v. – I chetv. XX v.)* [Jews in the Far East of Russia (II half of the XIX century – 1st quarter of XX century)]. Xabarovsk, Khabarovsk State University Publ., 2000. 256 p.

29. Romanova V.V. *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya vzaimootnoshenii (vtoraya polovina XIX v. – 20-e gody XX v.)* [Power and Jews in the Far East of Russia: the history of relationships (second half of the XIX century – 20-ies of the XX century)]. Krasnoyarsk, Klaretianum Publ., 2001. 292 p.
30. *Sibir'. Atlas Aziatskoi Rossii* [Siberia. Atlas of Asian Russia]. Novosibirsk, Moscow, Feoriya Publ., 2007. 863 p.
31. Solovchenkov S.A. Selo yuga Dal'nego Vostoka: posledstviya 20 let preobrazovaniya [The village of the South of the Far East: the consequences of 20 years of transformation]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – RSUH/RGGU Bulletin*, 2014, no. 4, pp. 99–107.
32. Timofeev O.A. *Rossiisko-kitaiskie otnosheniya v Priamur'e (ser. XIX – nach. XX vv.)* [Russian-Chinese relations in the Amur Region (in the mid-19th and early 20th centuries)]. Blagoveshhensk, Blagoveschensk State Pedagogical University Publ., 2003. 306 p.
33. Tsin' Khuei. Razdel imushchestva bol'shikh semei [Division of property of large families]. *Otechestvennye zapiski*, 2004, no. 1 (16). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/1/razdel-imushchestva-bolshih-semey> (accessed 15.10.2018).

The article was received on 08.04.2018.

The article was reviewed on 16.05.2018.